

В. А. Шаповалов
«ЛЕТИТ ПАН, НА ВОДУ ПАЛ И ВОДЫ НЕ КОЛЫХНУЛ»:
ОБРАЗ БАРИНА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ

УДК 398.61(470)

ББК 82.3(2)+63.521(=411)

Несмотря на то что народные загадки имеют древнюю основу, они практически не используются специалистами в качестве исторического источника. Это связано с тем, что в них не отражены масштабные исторические события, социальные отношения. Тем не менее, встречающееся в загадках метафорическое сопоставление предметов неживой и живой природы с баринном показывает с крестьянской точки зрения важнейшие поведенческие стереотипы помещиков. Анализ загадок с метафорой «барин» («барыня») дает возможность применить стратифицированный подход при определении того, с какой категорией помещиков связано то или иное уподобление. Адресная социальная стратификация загадок применительно к барам раскрывает возможности новых подходов, при исследовании социальной психологии крестьян в контексте их взаимоотношений с представителями различных групп поместного дворянства. Использование метафоры «барин» («барыня») в ряде загадок отчетливо демонстрирует наличие в крестьянском сознании магии дворянского достоинства, преклонения перед представителями «голубой крови», чей образ жизни для крестьян непостижим и одновременно привлекателен. Все это отражает довольно сложный, противоречивый характер социального восприятия помещичьей власти в крестьянской среде, неоднозначную природу социального антагонизма в русской деревне и дает возможность говорить о важности народных загадок в качестве исторического источника

Ключевые слова: *народные загадки, барин, крестьянин, фольклор, метафора*

Использование народных загадок в качестве исторического источника — довольно редкое явление в отечественной историографии. Сама природа этого жанра устного народного творчества не до конца изучена. Исследователь-фольклорист В. В. Митрофанова справедливо отмечает: «Русские народные загадки не раз привлекали внимание ученых. И все-таки в их изучении больше неясного, неисследованного, чем ясного и изученного. Очень мало специальных статей и совсем нет монографических исследований о загадках».¹ Автор писала эти строки в конце 1970-х гг., но мало что изменилось и сегодня.

Загадка — замысловатый вопрос, выражаемый обычно в форме метафоры.² Предмет загадывания обычно заменяется другим, который описывается. Еще Аристотель заметил, что загадка — хорошо сформулированная метафора. Главный используемый в ней прием — олицетворение: предмет неживого мира метафорически сопоставляется с живым существом.

Предметы в загадке находятся в движении, говорят, действуют, работают. Здесь топор «в лес идет, кланяется, кланяется, перед домом растянется», пила «ест и жует», лапша «сидит на ложке, свесив ножки», морковь — «красная девица», ведра — «братья».³ Особенностью данного жанра фольклора является то, что здесь не отражены масштабные исторические и сложные психологические сюжеты. В загадках рассматриваются отдельные предметы и явления повседневной жизни людей, в первую очередь крестьян, в среде которых и было создано большинство загадок.

Иносказательная образность, краткость, афористичность в известной мере сближают загадку с пословицей. Но пословица раскрывает сама заключенный в ней художественный образ, в загадке же образ и расшифровка его разделены по принципу «вопрос — ответ».⁴ Еще одной отличительной чертой между пословицами и загадками в содержательном контексте является почти полное игнорирование в последних социальных мотивов, в то время как

¹ Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1978. С. 3.

² См.: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 2007. С. 243.

Шаповалов Владимир Анатольевич — д.и.н., профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

³ Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 247.

⁴ См.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 329.

в пословицах, наоборот, взаимоотношения помещиков, священнослужителей и крестьян отражены достаточно широко.

В. В. Митрофанова, проанализировав существующие классификации народных загадок, предлагает свою классификацию, в которой представлено 15 тем — загадки о явлениях природы, о растениях и животных, о внешнем виде человека, его трудовой деятельности, крестьянском жилище и т. д.⁵ Но в этой классификации нет отдельного раздела о социальной сфере, о представителях различных сословий, социальных групп: подобные загадки единичны и не составляют, по мнению исследователя, самостоятельной группы. Скорее всего, именно это и является главной причиной редкого обращения историков к данному фольклорному жанру как к историческому источнику.

Тем не менее весьма небольшой круг загадок имеет определенное социальное звучание, хотя ответ в них не подразумевает указания на конкретного представителя какой-либо социальной общности. В самих загадках есть упоминания царя, князя, боярина, пана, барина, дворянина, попа, в них описываются их действия, месторасположение; слушателю же необходимо угадать предмет, явление природы, растение или животное, скрытые в метафоре. Таким образом, общественный смысл в загадках достигается уподоблением предметов быта, явлений природы, животных и растений представителям привилегированных сословий, социальных групп. Особый интерес здесь представляет ассоциативный ряд в крестьянском сознании, когда устанавливается метафорическая связь между предметами, явлениями живого и неживого мира и представителями различных социальных общностей.

Изучение указанных ассоциаций может быть весьма перспективным для понимания отдельных аспектов социальной психологии крестьянства, поскольку оно дает возможность более детально исследовать природу межсословных отношений — антагонизма или стремления к сотрудничеству, компромиссам. Наибольший интерес здесь, на наш взгляд, представляют воззрения крестьян на барскую власть, дворянство в целом. Мною было проанализировано 7215 загадок (с вариациями) из сборников Д. Н. Садовникова,⁶ М. А. Рыбниковой,⁷

Ю. Г. Круглова,⁸ из рукописных сборников русских загадок и пословиц XVIII–XX вв.,⁹ и только в 65 загадках (0,9%) встречаются упоминания о боярах, барине (барыне), дворянах. Учитывая роль взаимоотношений крестьян и помещиков в деревне, можно утверждать, что это весьма мизерный процент, совершенно не сопоставимый с масштабами использования образов представителей привилегированного сословия в других фольклорных жанрах.

Время создания загадки определить весьма сложно, поскольку те или иные реалии с присущей им терминологией встречаются на протяжении веков. Можно с уверенностью лишь утверждать, что большая часть загадок была создана в период XVIII–XX вв., когда и шла их запись,¹⁰ но определенная их часть появилась в более ранние периоды. В частности, к концу XVI–XVII вв. можно отнести загадки с упоминанием бояр. Данный тезис применительно к русским народным пословицам XVII–XVIII вв. подтверждается в монографии Л. Н. Пушкарева.¹¹

В настоящей статье остановимся на тех загадках, в которых отражена с точки зрения крестьян «особая порода» господ, их природная властность в сочетании с дворянской утонченностью, образованностью. Из 65 выявленных нами загадок таких всего 24 (с вариациями).

В данном контексте примечательна следующая загадка, ответ у которой «перо»:

Легит пан,
На воду пал
И воды не всколыхнул.¹²

Существуют различные вариации этой загадки:

1. Пан-панович
Упал в колодец
И воды не помутил.¹³

2. Пан-панович
Упал в колодец,
Воды не смутил
И головы не сломил.¹⁴

Приведем аналогичные загадки, но подразумевающие ответ «лист»:

⁸ Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., 1990.

⁹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961.

¹⁰ См.: Митрофанова В. В. Указ. соч. С. 15–19.

¹¹ Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М., 1994. С. 55, 56.

¹² Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 209

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 229.

⁵ См.: Митрофанова В. В. Указ. соч. С. 45.

⁶ Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1966.

⁷ Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932.

1. Пан-панович
Пал на воду,
Гусей не согнал
И сам не потонул.¹⁵

2. Пан-панович
Упал в колодец,
Воды не смугил
И сам не потонул.¹⁶

Как уже отмечалось, основной прием описания в загадке — метафора (уподобление по сходству). В приведенных выше загадках уподобление пера (листа) пану, вероятно, связано с необычным результатом действия при его падении на воду (не всколыхнул, не потонул, не помугил), то время как другие предметы обязательно разбрызгали бы водную гладь, т. е. действие пера (листа) особенное, оно выбивается из общего ряда при сходных обстоятельствах. В крестьянском сознании в рассматриваемом контексте эта особенность ассоциируется с паном, т. е. с «голубой кровью», чьи поведенческие стереотипы отличны от повседневной культуры представителей других сословий.

Социальная психология крестьян содержала в себе «эстетическое представление о барине как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику».¹⁷ Для крестьянина труд на земле был смыслом его существования, жизненным предназначением.¹⁸ Социопсихологическая дистанцированность между бариним и мужиком существовала всегда: последний признавал себя далеко нижестоящим в сословной иерархии, фактически социальным антиподом поместного дворянина. Само жилище барина — усадьба — было для крестьян сакральным местом, где, в их понимании, существовал другой, недоступный, непонятный для них мир. Эту особенность крестьянского сознания хорошо показал Д. В. Григорович в повести «Антон-Горемыка»: «Наконец вправо начал показываться господский дом... Все в нем обозначало не только отсутствие хозяина, но даже давнее запустение...

Проходя мимо, Антон не замедлил, однако, снять шапку; так прошел он вдоль старого сада, флигелей, пчельника, пока, наконец, не поравнялся с помещичьими рогою и овином. Тут он не только надел шапку, но даже остановился...»¹⁹

«Особая порода» барина подразумевала, в представлении крестьян, неотъемлемое право повелевать и наказывать, но, конечно, в рамках христианских добродетелей. В значительной части крупных имений были разработаны «уложения наказаний крестьян», где подробно указывались возможные провинности и виды наказаний за них. Так, граф П. А. Румянцев в 1751 г. составил детальный свод наказаний, направленных на борьбу с пьянством, воровством, драками и т. п.²⁰ Подобная «плотная» опека находила понимание у значительной части крестьян: они видели в этом наказание за грех, стремление барина держать всех в своих руках и не давать «шалить». Помещичья жестокость нашла отражение в следующих двух загадках:

1. Стоит дерево панско,
На ней кудри чиботарски —
Когти дьявольски.
(Колючка)²¹

2. Стоит дерево —
Пан-дерево,
На этом дереве
Листья шемаханские,
Трости бухарские,
Когти супостатские.
(Репейник)²²

Примечательным здесь является увязывание дерева «панского» с наличием «когтей дьявольских», «когтей супостатских». При этом внимание акцентируется на заморском наряде растения — «кудри чиботарски», «листья шемаханские», «трости бухарские». В представлении создателей данных загадок, все это должно было подчеркивать особый статус «пан-дерева». Подтверждением этому служит один из вариантов второй загадки, в котором дерево названо «царским» (райским). Всего нами выявлено 11 вариаций загадки (без привязки к слову «пан»), и почти в каждой из них есть упоминание о «когтях дьявольских», «железных», об особом наряде — «крыльях маханских», «листьях

¹⁵ Русские народные загадки, пословицы, поговорки. С. 33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 16.

¹⁸ См.: Синякина Е. Г. Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: материалы междунар. конф. по истории психологии «V Московские встречи». М., 2010. С. 594; Она же. Влияние внутриобщинных отношений на психологию русского крестьянства дореформенного периода // Исторический и современное состояние российского менталитета. М., 2015. С. 289.

¹⁹ Григорович Д. В. Избранные произведения. М., 1954. С. 114.

²⁰ См.: Наказание крепостных // Хрестоматия по русской истории. Т. 3. М.; Пг., 1923. С. 102.

²¹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 202.

²² Загадки русского народа. С. 114.

чеботанских». В. А. Аникин, рассуждая о происхождении слов «маханский», «чеботанский», «чемоданский», справедливо считая их искажением непонятных слов, например, «“листья махански” — исковерканное: “листья шемахански”». ²³

Изысканный «заморский наряд» растения в сочетании со страшным оружием — «когтями» — подчеркивал его необычный статус — панский. Репейник (лопух большой), несомненно, обладает специфической красотой: его соцветия имеют шаровидные корзины с мелкими пурпурно-фиолетовыми цветами. Вся его наружность, ощетинившаяся колючками, будто говорит: «Не тронь меня! Если тронешь — пожалеешь!»

Ответ на первую загадку — колючка; это обобщенный образ всех растений с острыми шипами. В крестьянской среде колючками называли кустарные растения непритязательно-го вида с шипами — их трудно было уподобить «пан-дереву». В данном контексте нельзя не согласиться с выводом специалиста: «Некоторые из загадок поражают отдаленностью сходства сравниваемых предметов... необходимо принимать во внимание нередкую условность уподоблений и сравнений, принятых в тайной речи, с которой первоначально была связана загадка». ²⁴ Необходимо помнить и о замечании В. Я. Проппа о том, что не нужно искать в фольклорных источниках аллегорический социальный смысл там, где его нет. ²⁵ Тем не менее, соединение в образе «пан-дерева» острых шипов и «заморских нарядов» в определенной степени является отражением в крестьянском сознании сложного восприятия помещичьей власти: с одной стороны, шипы больно ранят, с другой — являются аллегорией господина.

Легко узнаваемые внешние атрибуты барского поведения в своей усадьбе отражены в загадке о «барине-придири», ответом на которую является «петух»:

Ходит барин по двору,
Придирается ко всему,
Двойная борода,
Набок колпачок. ²⁶

Центральным сюжетом в данной загадке служит метафора «ходит барин по двору,

придирается ко всему», уточняющие детали — «двойная борода, набок колпачок» — должны способствовать созданию ассоциации образа «барина-придиры» с петухом.

Природная задиристость, яркая внешность, вальяжность поведения, стремление к постоянной опеке над «подданными» — курами — все это могло стать основой для аллегорического сопоставления барина и петуха. Подтверждение этому тезису дает и народный лубок. В известной работе Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» петух изображен на лубочных гравюрах № 202 (Калкун-бормотун) и 203 (Петух-топтун). ²⁷ Помимо ярких образов, эти картинки имеют «куриозные объяснения»: «...индейский петух (самец индейки. — В. Ш.) (202) с распущенным хвостом: “сей колкун, воспеваем бормотун, курячий топтун; он же хваленый кус на пирушку, а на носу имеет как ватрушку”; простой петух (203), с подписью: “Я петух собою красноричен; где курочку не схватил, да поволок за черный или белый хохолок; а от моего топтания труда не велички: лишь несет яички и мне радость наводит, детей выводит”». ²⁸ В этих пояснениях подчеркивается, что основное времяпрепровождение петуха связано с «топтанием» кур и «пирушками». Это может служить основанием для аллегорического сравнения с барской повседневностью, которая в крестьянском сознании состояла из череды праздников и удовольствий. Барская опека над крестьянами, граничащая с постоянными придирами, отвечала как крестьянским, так и помещичьим представлениям о самой сути власти в дворянском имении. Помещики утверждали, что главная их забота — «благополучие крестьян», ²⁹ другими словами — постоянный контроль над ними. Но при этом, по убеждению помещицких дворян, «для всякого очевидно, какое великое преимущество имеют наши российские крестьяне перед крестьянами других государств». ³⁰

Итак, в загадке просматривается метафорическая связь между петухом и барином, тем более, что в славянской символике петух олицетворяет огненную стихию — страшную

²³ Там же. С. 290.

²⁴ Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М., 2004. С. 503.

²⁵ См.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 84.

²⁶ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 229.

²⁷ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 2002. С. 127.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Шелехов Д. О. Промышленность и сельское хозяйство. Наука домашнего хозяйства // Библиотека для чтения. 1836. Т. 19. Отд. 4. С. 1.

³⁰ Шелехов Д. О. вольнонаемном труде // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Отд. 4. С. 33.

природную силу.³¹ Специалисты по эмблематике отмечают: «Петух — древнейшая эмблема вестника рассвета, пробуждения, бдительно-сти, призыва к возрождению и к бою»,³² т. е. он мог быть символом военной элиты — знати.

В ряде загадок слова «княгиня», «барыня» используются для подчеркивания особой важности объекта загадки, его статусности или уникальности. В то же время они способствуют акцентированию внимания на определенных поведенческих стереотипах помещиков, выраженных главным образом в свойствах предметов. К таким загадкам можно отнести следующие:

1. Ударю булатом
По каменным палатам —
Выйдет княгиня,
Сядет на пухову перину.
(Огниво, кремень, трут, огонь)³³
2. Ударю по каменным палатам —
Выйдет княгиня,
Сядет на перину.
(Огнивом вырубает огонь).³⁴

Здесь слово «княгиня» является метафорой огня — важнейшего источника жизнедеятельности человека, отчего ему в загадке и придается столь высокий статус. Этот статус подкрепляется такими деталями, как «каменные палаты», «булат», «пухова перина», которые, несомненно, относятся к представителям верхних ступеней иерархической социальной лестницы.

С формальной точки зрения волшебными свойствами должен обладать объект следующей загадки:

- Летит без крыл,
Падает без ног,
Жарит его повар без огня,
И ест его барыня без рта.
(Снег)³⁵

Нереальность объекта загадки, который летает без крыльев, усиливается образом барыни, которая ест без рта. Необходимо было показать особу, чьи привычки и статус выходят за рамки обыденных представлений. Включение в загадку образа барыни не случайно. С точки зрения крестьян, барыня — существо более избалованное, чванливое и вредное, чем барин. Это хоро-

шо отражено в народных сказках. Например, сказка «Сердитая барыня» начинается словами: «В усадьбе была барыня, и до того была сердитая, — никому житья не было».³⁶ В сказке «Жалостливая барыня» помещица жалеет и лелеет своих собак и кошек, но жестоко эксплуатирует крестьян.³⁷ Помещики же традиционно выступают в сказках в роли глупцов, жадин и белоручек.³⁸ Н. И. Кобзарева, анализируя произведения фольклора с точки зрения отражения в них мира старости, отмечает: «Качества больше женские, чем мужские: религиозность, жадность, спесь, сварливость»,³⁹ т. е. барыни в переносном смысле могли «есть без рта».

Для любого человека собственное жилище является, как правило, сакральным местом, олицетворением личного «я» и своей семьи, рода. Наиболее важные детали дома, в частности крестьянского, имели ритуальное значение. К таким деталям относилась, например, матица. По определению В. И. Даля, «матица — балка, брус поперек всей избы, на которой настлан накат, потолок. Подымать и обсевать матку: когда черепной (последний) венец положен и матица поднята, хозяин варит кашу, кутает горшок в полушубок и подвешивает к матице; севец обходит черепной венец, рассевая с пожеланиями хлеб и хмель, а плотники садятся за кашу и пьют за здоровье хозяина».⁴⁰ Другими словами, матица — основа, на которой держится вся конструкция крыши. Примечательно, что термин «матица» в «Толковом словаре живого великого русского языка» В. И. Даля включен в словарную статью «Мать», тем самым автор указывает на общую смысловую основу двух слов: матица являлась «матерью» конструкции крестьянской избы. Приведем несколько загадок, объектом которых выступает матица:

1. Барыня в избе,
Рукава на дворе.⁴¹
2. Барыня в избе,
А рукавички на дворе.⁴²

Слово «барыня» («барышня») выступает метафорой важнейшей детали крестьянского

³¹ См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 15, 38.

³² Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 1994. С. 324.

³³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 224.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Соколов Ю. М. Указ. соч. С. 29.

³⁷ Там же. С. 55.

³⁸ См.: Русская сатирическая сказка. Л., 1979. С. 220–228, 233, 234.

³⁹ Кобзарева Н. И. Старость в общественном сознании русского крестьянства XIX века. Белгород, 2013. С. 81.

⁴⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 307.

⁴¹ Загадки русского народа. М., 1966. С. 35.

⁴² Там же.

дома — матицы, тем самым подчеркивая ее особый статус в конструкции жилища.

Примечательно, что первый вариант загадки имеет и другой ответ — «дыня». Подобная смысловая трансформация загадок не редкость. Как правило, это связано с местом бытования загадки. Загадки о барыне, у которой рукава (рукавички) на дворе, предусматривающие ответ «матица», как указывается в сборнике Д. Н. Садовникова, были записаны в селе Жолчино Рязанского уезда одноименной губернии и в Воронежской губернии. Всего же загадок, где объектом является матица, в сборнике 16.⁴³ Важность матицы в этих загадках, наряду с метафорой «барыня», подчеркивается сравнением с «золотым мостом», «...брусом во всю Русь», матерью, Марьей-царевной, «лютой свекровью, семью берегущей».⁴⁴ Загадок, предусматривающих ответ «дыня», в сборнике Д. Н. Садовникова всего две, и одна из них совершенно идентична первой из приведенных загадок с ответом «матица». Местом записи обеих загадок о дыне указывается село Озерки Ставропольского уезда Самарской губернии.⁴⁵ Вероятно, для жителей данного села выращивание дыни имело большое значение, т. е. для них она была истинной «барыней».

Одной из жанровых особенностей загадок является придание предметам неживого мира, растениям, животным высокого социального статуса с помощью метафор, в частности таких, как «царь», «царица», «князь», «княгиня», «бояре», «пан», «дворянин». Это указывает на то, что ответ на загадку не связан с крестьянским миром. Магия дворянского статуса и преклонение перед его носителями были весьма прочны в крестьянской среде.⁴⁶

По всей видимости, с точки зрения крестьян, метафорическое сопоставление предметов неживого мира, представителей флоры и фауны с баринном должно было придать загадке большую сложность и привлекательность при отгадывании. Для этого использовались определенные элементы из барской жизни. Так, в загадке (с вариациями) упоминается жупан:

1. Все паны скидывали чапаны,
Один пан не скинул чапан.⁴⁷

1а. Все паны скидывали жупаны,
Один пан не скинул жупан.
(Чернолесье и сосна)⁴⁸

2. Все паны скинули кафтаны,
Один пан не скинул кафтан.
(Сосна)⁴⁹

Эта загадка, по утверждению Д. Н. Садовникова, имеет украинские или южнорусские корни, на что указывает слово «жупан». По В. И. Далю, «жупан — теплая верхняя одежда на Украине, род охлябня; шуба, тулуп».⁵⁰ В словаре С. И. Ожегова читаем: «Жупан — старинный польский или украинский суконный полукафтан».⁵¹ В польской повседневной традиции жупан был одним из элементов верхней одежды панов. Это подтверждают и пословицы: «Каков пан, таков на нем и жупан», «Не жупан пана красит, а пан — жупана».⁵² Хотя в данном контексте слово «пан», скорее всего, обозначает представителя свободного сословия.

На основе определенных крестьянских стереотипов восприятия барской повседневности создана и эта загадка:

Что ни пан,
То постель.
(Мох в пазах стен)⁵³

Праздное времяпрепровождение в постели, с точки зрения крестьян, являлось типичным поведением их господ, хотя это далеко не всегда соответствовало действительности.⁵⁴

В отдельных загадках крестьяне противопоставляют свои привычки и пристрастия барским:

Возьмет черно,
Нальет красно;
Пан кричит: «Сладко!»
Мужик кричит: «Гадко!»
(Чай)⁵⁵

Весьма длительное время чай считался господским напитком, для крестьян же он был недоступен.

Приведем еще одну загадку (с вариациями):

- 1а. Что мужик бросает,
А барин в карман подбирает?⁵⁶

⁴³ Там же. С. 34, 35.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 110.

⁴⁶ См.: С. Три брака. Эскизы деревенской жизни // Отеч. зап. 1860. Т. 133. Отд. 1. С. 245–253.

⁴⁷ Загадки русского народа. С. 168.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. С. 193.

⁵⁰ Даль В. И. Указ. соч. С. 547.

⁵¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 198.

⁵² Даль В. И. Указ. соч. С. 547.

⁵³ Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932. С. 312.

⁵⁴ См.: Соловьев К. А. «Во вкусе умной старины...». Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII — I половины XIX веков. По воспоминаниям, письмам и дневникам. М., 2013. С. 33.

⁵⁵ Загадки русского народа. С. 87.

⁵⁶ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках

1б. Что у барина в кармане,
У нас под пятой?⁵⁷

1в. Мужик на земь кидает,
Барин в карман собирает.⁵⁸
Крестьянин бросит,
А барин собирает.
(Сопли)⁵⁹

Как видим здесь крестьяне иронизируют над барской привычкой пользоваться носовым платком, не понимая сути социального этикета.

Загадки же о барине являются редким исключением. Нам известна всего одна загадка, посвященная мелкому помещику:

Что за человек: сам
И барин,
И крестьянин, сам и
Пашет, и орет, и с крестьян оброк
Берет.
(Однодворец)⁶⁰

Загадка записана в Воронежской губернии,⁶¹ отличавшейся большим числом мелкопоместных дворян.⁶² Крестьяне верно подметили их социальную природу: их нередко именовали «мужиками-дворянами»,⁶³ поскольку они лично ходили за сохой, но и брали оброк со своих немногочисленных крестьян.

Само отношение крестьян к социальному статусу помещика наглядно отражено в загадке:

Кто у Вас барин в доме?
— Хозяин.⁶⁴

Старший в крестьянской семье назван баарином, поскольку он имел властные полномо-

чия, авторитет и мог единолично принимать решения.

Несмотря на отсутствие у исследователей интереса к народным загадкам как к историческому источнику, последние при целенаправленном анализе весьма информативны и социально стратифицированы. Они посредством метафор отражают широкий спектр крестьянских воззрений на природу помещичьей власти. При этом в своей содержательной сути загадки не сосредоточиваются только на негативной стороне барской власти: они демонстрируют наличие в крестьянском сознании магии дворянского достоинства, образа жизни помещиков, их внешних поведенческих стереотипов. Особый интерес в рассматриваемом контексте представляет ассоциативный ряд в крестьянских представлениях, возникающий при сравнении барина с определенными предметами, растениями, животными, явлениями природы: подбор уподоблений подчеркивает через характер отношения крестьян к определенным предметам и явлениям их восприятие природы барской власти и собственной подчиненности. Подобный метафорический подход, в отличие от многих других, дает возможность выявления большого количества оттенков социальных отношений, чувств (восхищение, преклонение, согласие, подчинение, ирония, сарказм и т. д.) при анализе одного или нескольких объектов исследования. Все это приобретает несомненную ценность при изучении крестьянской психологии в контексте режима помещичьей власти, антагонизма в русской деревне.

Vladimir A. Shapovalov

Doctor of Historical Sciences, Belgorod State National Research University (Russia, Belgorod)
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

‘A LANDLORD FLEW, FELL ON THE WATER WITHOUT MAKING A STIR’: THE LANDLORD (BARIN) IN THE RUSSIAN FOLK RIDDLES

Despite their ancient origin the folk riddles have been largely ignored by researchers as a potential historical source. The reason could be the absence in these texts of descriptions of large-scale historical events or social relations. Nonetheless the metaphoric correlation of the inanimate and

XVIII–XX веков. С. 211.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Загадки русского народа. С. 204.

⁵⁹ Там же. С. 205.

⁶⁰ Там же. С. 145.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Шаповалов В. А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014. С. 45.

⁶³ См.: Хлопов Н. А. Мужики — дворяне // Ист. вестн. 1903. Т. 91. С. 1033.

⁶⁴ Загадки русского народа. С. 252.

the living nature objects with a landlord (barin), highlighted, from a peasant's point of view, some important behavioral stereotypes of the landlords. The analysis of riddles containing a 'barin' ('barynia') metaphor provided for a stratified approach to identification of a particular category of landlords implied in the riddles. The targeted social stratification of riddles with regard to the ruling classes offered an opportunity to develop new approaches to the study of the peasantry's social psychology in the context of their relationships with various groups of the local nobility. The use of 'barin' ('barynia') metaphors in a number of riddles clearly demonstrated the existence of the noble dignity magic in the peasants' mind, as well as the worship of 'blue-blooded' class whose way of life was both incomprehensible and highly attractive to the peasants. All this reflected a rather complex and controversial nature of the social perception of the landlords' power by the peasantry, as well as the controversial nature of social antagonism in the Russian countryside, and thus made it possible to refer to the folk riddles as a valuable historical source.

Keywords: *folk riddles, barin, peasant, folklore, metaphor*

REFERENCES

- Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Russian oral folk art]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004, 735 p. (in Russ.).
- Chicherov V. I. *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian folk art]. Moscow: Moskovskiy universitet Publ., 1959, 523 p. (in Russ.).
- Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.).
- Kobzareva N. I. *Starost v obshchestvennom soznanii russkogo krestyanstva XIX veka*. [Old age in the public consciousness of the Russian peasantry of the 19 century]. Belgorod: Belgorodskiy universitet kooperatsii, ekonomiki i prava Publ., 2013, 160 p. (in Russ.).
- Kostyukhin E. A. *Lektsii po russkomu folklore* [Lectures on Russian folklore]. Moscow: Drofa Publ., 2004, 334 p. (in Russ.).
- Mitrofanova V. V. *Russkie narodnye zagadki* [Russian folk riddles]. Leningrad: Nauka Publ., 1978, 181 p. (in Russ.).
- Pokhlebin V. V. *Slovar mezhdunarodnoy simvoliki i emblematici* [Dictionary of international symbolism and emblematic]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1994, 560 p. (in Russ.).
- Propp V. Ya. *Folklor i deystvitelnost. Izbrannye stati* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 83–115. (in Russ.).
- Pushkarev L. N. *Dukhovnyy mir russkogo krestyanina po poslovitsam 17–18 vekov* [The spiritual world of the Russian peasant according to proverbs of the 17–18 centuries]. Moscow: Nauka Publ., 199, 192 p. (in Russ.).
- Rovinskiy D. A. *Russkie narodnye kartinki* [Russian folk pictures]. Saint Petersburg: Tropa Troyanova Publ., 2002, 342 p. (in Russ.).
- Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1932, 488 p. (in Russ.).
- Shapovalov V. A. *Pomestnoe dvoryanstvo Evropeyskoy Rossii v 50–90-e gg. XIX veka (po materialam tsentralno-chernozemnykh guberniy)* [The local nobility of European Russia in the 50-90s 19 century (based on the materials of the central-chernozem provinces)]. Belgorod: ID "Belgorod" Publ., 2014, 539 p. (in Russ.).
- Sinyakina E. G. [Influence of intra-community relations on the psychology of the Russian peasantry of the pre-reform period]. *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiyskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2015, pp. 250–301. (in Russ.).
- Sinyakina E. G. [Psychological and historical reconstruction of the psychological characteristics of the Russian peasantry of the pre-revolutionary period]. *Istoriya otechestvennoy i mirovoy psikhologicheskoy mysli: tsenit proshloe, lyubit nastoyashchee, verit v budushchee: materialy mezhdunarodnoy konferentsii po istorii psikhologii «V Moskovskie vstrechi»* [The history of Russian and world psychological thought: to appreciate the past, to love the present, to believe in the future: the materials of the Int. Conf. on the history of psychology "The 5th Moscow Meetings"]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2010, pp. 593–604. (in Russ.).
- Sokolov Yu. M. *Russkiy folklore* [Russian folklore]. Moscow: Moskovskiy universitet Publ., 2007, 543 p. (in Russ.).
- Solovev K. A. «*Vo vkuse umnoy stariny...»*. *Usadbenyy byt rossiyskogo dvoryanstva II poloviny XVIII — I poloviny XIX vekov. Po vospominaniyam, pismam i dnevnikam* ["In the taste of smart antiquity...". Manor life of the Russian nobility of the second half of the 18 — first half of the 19th centuries. According to memoirs, letters and diaries]. Moscow: Knizhnyy perekrestok Publ., 2013, 104 p. (in Russ.).